

К 150-летию со дня рождения Ф. Шопена

В. СОФРОНИЦКИЙ,
профессор, заслуженный
деятели искусств РСФСР

ВЫСШАЯ РАДОСТЬ И НАСЛАЖДЕНИЕ

КОГДА чуткий пианист исполняет произведения великих мастеров — Баха, Моцарта, Гайдна, Бетховена, погружаясь в музыкальные образы, созданные ими, он испытывает радость от неповторимой индивидуальности каждого из них. Но совершенно особое, ни с чем не сравнимое наслаждение получает пианист, вступая в поэтический мир шопеновской музыки. Я бы сказал, что наслаждение это еще и чисто физическое: ощущение какой-то особенной, чудесной легкости, гибкости, пластичности, свойственных только одному Шопену и возникающих из самой природы его непостижимого пианизма.

«Шопен — это душа фортепьяно», — сказал Антон Рубинштейн. Невозможно сказать лучше о великом польском композиторе.

С 10-летнего возраста моим учителем игры на фортепьяно был замечательный польский музыкант, выдающийся пианист, в свое время с огромным успехом исполнявший произведения Шопена, Александр Константинович Михаловский.

С этого времени и началось мое увлечение Шопеном. Я слышал таких замечательных исполнителей его произведений, как С. Рахманинов, К. Игумнов, В. Горовиц и Г. Нейгауз, и каждый из них почувствовал Шопена по-своему, а музыка великого композитора открыла еще новую неизвестную сторону их таланта. Любовь к Шопену прошла через всю мою жизнь. Исполнять произведения его — высшая радость и наслаждение,

НА РОДИНЕ КОМПОЗИТОРА

ТВОРЧЕСТВО великого польского композитора Фридерика Шопена, 150-летие со дня рождения которого 22 февраля отметил весь мир, пользуется у нас в стране огромной популярностью. Музыка его нам так же близка и дорога, как творения других гениев культуры Запада, как все то, что создали наши великие поэты, писатели, музыканты, художники.

Шопен горячо любил свою родину, свой народ. Выдающийся русский художественный критик В. В. Стасов говорил о Шопене: «Могучая нота польской национальности, ненасытная, страстная привязанность к своему отечеству никогда не исчезали в нем и привели величайшую глубокую черту в его созданиях».

Эти слова Владимира Васильевича Стасова не раз вспоминались мне в Польше, когда я знакомился с шопеновскими местами Желязова-Воля. Лежит примерно в полутора часах езды на машине от Варшавы. Мелькают пригороды. Наконец автомобиль сворачивает вправо от шоссе. Несколько минут езды, и мы останавливаемся у ворот усадьбы. На воротах усадьбы мемориальная доска: «Обществу Фридерика Шопена в Варшаве. Дом, где родился Фридерик Шопен».

Аллея уходит в глубь сада. Тишина придает особую значимость, торжественность моменту. Сейчас мы увидим домик, о котором столько слышали и читали. Вот и домик, где родился Шопен, — одноэтажный, под

черепичной крышей, с большими окнами. Маленькая передняя. Скромно обставленная комната — несколько кресел, зеркало.

Рассказ экскурсовода с польского языка переводится на русский, английский, немецкий, французский языки... Сегодня здесь гости из нескольких стран.

В комнате, где родился Шопен, много цветов. Вся она светлая-светлая и, хотя в ней почти ничего не стоит, какая-то по-особенному торжественная. Под стеклом хранится копия акта о рождении Шопена. Долго задерживаются посетители возле этого исторического документа. Некоторые фотографируют его и мемориальную комнату.

Гостиная, где стоит рояль. Родители Фридерика были музыкально одаренными людьми: отец играл на флейте и скрипке, мать играла на рояле и пела.

В домике-музее установилась хорошая традиция. Здесь можно услышать игру известных польских пианистов. Каждый посетитель тоже имеет право сыграть на рояле, стоящем в гостиной. Исполняют, конечно, произведения Шопена. Вот один из посетителей сел за рояль, и весь дом наполнился музыкой — яркой, жизне-радостной, искрящейся.

Вокруг домика чудесный парк. Растения и деревья, привезенные сюда из раз-

ных стран, как бы символизируют популярность Шопена, его музыку среди многих народов.

В саду Желязова-Воли возвышается памятник Шопену — колонна с барельефом композитора. Он сооружен по инициативе и при ближайшем участии М. Балакирева.

Б. ЛУКЬЯНОВ

Рисунок карандашом
Жорж Санд (1838 г.)